Надежда ПЕТРОВА
Родилась в г. Кадиевка (ныне Стаханов) Луганской области. Автор семи книг рассказов. Печаталась в периодических изданиях, различных коллективных сборниках, альманахе «Свой вариант». Член Межрегионального союза писателей Украины, Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов. Лауреат литературной премии им. Владимира Даля.

Николай Чудотворец

Всем была хороша Ульяна Кравцова, жена Степана Игнатьевича, главного механика совхоза: и добрая, и хозяйственная, и стряпуха хоть куда, и лицом пригожа, но стеснялся он приводить в свой дом чужих людей. Только переступят гости порог, а здесь их в красном углу встречают лики святых — икон полон дом. И хотя в селе это привычное дело — у каждого где-нибудь да висит скромный образок, так уж испокон веков заведено, да вот у его жены этих икон было не счесть. Дорожила она ими просто до умопомрачения.

Когда женились, он, вроде бы, и не замечал за нею такой страсти: девка как девка была — и в комсомолках ходила, и песни в хоре пела, никаких сельских гуляний не сторонилась. А тут, что ни год — новый образок откуда-то у неё появлялся.

Но хуже всего, если она побелку затевала: Степану всё снять надо, обтереть да назад водрузить, она же под потолок не полезет, а у него времени всегда в обрез. Да ещё, не дай Бог, он их местами перепутает — вот надо, чтобы Казанская стояла слева, а Иисус Христос справа, ибо ребёнок, то есть маленький Христос, что на руках у Богородицы, — был между ними. Так её матерью, его тёщей, ещё при жизни велено, это, мол, защита для своих детей.

Степан подходил к жене и, тяжело вздыхая, каждый раз умолял:

— Ну, давай мы уберём эти иконы, ты думаешь, они помогут тебе? Прошу! Я же член партии, мне стыдно, люди не верят, мол не могу убедить свою жену, что это лишнее, не приносит пользы, а только вредит моему авторитету.

— Авторитет у тебя на работе, а это дом, — отвечала спокойная Ульяна. — Причём дом моих покойных родителей, и иконы висели здесь всегда. Всегда!

— Всегда, — соглашался муж, почёсывая затылок. — Не спорю, но то было другое время, Уля. Давай мы хотя бы из зала перенесём их в другую комнату, чтобы не бросались в глаза, и молись там — сколько хочешь! Умоляю!

— Ты что, не понимаешь? Иконы должны висеть только в восточном углу: Иисус пришёл с востока, ушёл на восток и вновь вернётся с востока! А в спальне свободен только западный угол — разве это непонятно? Нет, всё должно быть как надо, а партия твоя — это так, как игра в пионеры. Вот пойдёшь на пенсию — и забудешь про работу и про партию свою.

Смотрел он на неё и только улыбался: говорила она убеждённо, как на собрании, и почти мудро, не обращая внимания на его возражения.

«Мудро, мудро, — бормотал он себе под нос. Ещё как мудро, как по писаному...». Хотя сам никогда не считал женщин мудрыми существами. Ну, как можно считать мудростью её разговор с этими намалёванными святыми, которых, скорее всего, никто никогда не видел, а нарисовал по своему наитию? Ну, вот хотя бы: почему у Богородицы всегда есть младенец на руках, а у святых мужского рода — никогда нет ребёнка? Почему? — Да ладно, пусть молится, если ей это надо, женщина — и этим всё сказано.

Шли годы. Степан Игнатьевич по-прежнему работал механиком в автопарке совхоза, а Ульяна вела дом, растила троих сыновей, которые родились друг за другом с разницей в два года.

— Кум, ты, считай, свою пятилетку выполнил, не прошло и шести лет, а у тебя уже три сына, — смеялся сосед, он же ему ещё и кум. — Вот скажи: за следующие пять лет сможешь ещё трёх девок на свет привести?

— Ты же знаешь, — отвечал, хмурясь, Степан Игнатьевич, — что и второй, и третий раз мы дочку ждали, всё Уле хотелось, чтобы у неё помощница была, а то состаримся, и полы помыть некому будет, — он разводил руками, мол, прости, не получилось. — Наверное, на этом поставим жирную точку.

— Ну, тебе видней.

Мальчишки подрастали быстро, донашивали друг за другом сначала распашонки, потом сандалии, а там уж и ботинки пошли в ход. Купит Ульяна старшему ботинки, а через месяц он жалуется, что они ему жмут. Тогда ботинки по наследству переходили меньшему, а через год их под кроватью находил ещё меньший и гонял в них в футбол за школой.

Семья жила дружно, казалось, счастье никогда не покинет их дом. И, чтобы благополучие не обошло их стороной, Ульяна усердно молилась каждый вечер, а по большим праздникам ходила в недавно отремонтированную церковь, простоявшую больше полувека с заколоченными дверями и выбитыми стёклами.

Чем не угодила она Богу: то ли молилась недостаточно, то ли не о том просила, но за четыре года трое мужчин ушли в мир иной. Сначала погиб в шахте старший сын, следом слёг и умер от тяжёлой болезни муж, а спустя полгода погиб средненький...

И когда самый младший, Костя, был комиссован и не пошёл служить, Ульяна решила, что, наконец-то, несчастья закончились. Она мечтала о невестке и внуках, чтобы снова, как в прежние времена, дом наполнился детскими голосами, а за столом собралась большая семья. Каждый вечер, выглаживая рубашку сына, она представляла себе, что настанет день — и он приведёт девушку для знакомства, пусть она будет беленькой или чёрненькой — ей всё равно — лишь бы это случилось побыстрее, только бы они любили друг друга да жили с ней. Большего и не надо, она в лепёшку разобьётся, лишь бы они были счастливы.

Девушку Костя так и не привёл, но пообещал, что сделает это сразу, как только заработает деньги на свадьбу: он собирался в Москву. Ульяна и в ноги к нему падала, умоляла не ехать, и плакала, но Костя сказал, что хочет хорошую свадьбу, чтобы запомнить на всю жизнь, а то она — студентка, и денег на свадьбу тоже нет.

— Ненашенская, значит? Ты хоть имя-то скажи! — кричала мать. — Господи, за что же это мне? Хоть показал бы!

— Мама, придёт время, сама увидишь. Она придёт и скажет: я ваша невестка. — Он счастливо засмеялся. — А зовут её Марта.

— Марта?

— Ага, я её за это Март-трёшкой зову.

— Марта, так Марта... У нас в селе имени такого странного ни у кого нет...

Спустя четыре месяца Костя вернулся из Москвы весёлый: всё там ему удалось, теперь осталось устроиться снова на работу и можно было готовиться к свадьбе — деньги есть.

Но к этому времени у Марты заболела мама и подготовку отложили. Костя на выходные уезжал в город к невесте, а возвращался в понедельник и сразу, с первого утреннего автобуса, спешил на работу, в гараж, где раньше трудился его отец.

Одним субботним утром он уехал в город, взяв доллары, чтобы обменять их на гривны. День был осенний, холодный, Ульяна беспокоилась, что он не надел фуражку, и корила себя за то, что силком не сунула ему её в руки: срывался первый снежок.

«Простынет! Простынет же!» — твердила она целый день, предчувствуя беду.

К вечеру Костя не вернулся, хотя обещал.

«Заночевал, наверное, у Марты, — утешала себя она. — Скорее бы ко мне переехали, что ли! Извелась вся, ожидая».

Не приехал он и утром.

Ближе к обеду у дома остановилась машина скорой помощи, из неё вышли врач с медсестрой в белых халатах и председатель сельского совета. Ульяна только глянула в окно и сразу всё поняла...

Пол качнулся под её ногами. И больше она уже ничего не помнила.

Пришла в себя на кровати, во рту было сухо, и язык не хотел слушаться.

— Где он? — прошелестела она.

Председатель опустил глаза. Соседка у порога, прислонившись к косяку двери, вытирала слёзы.

— Нету... Значит его больше нету... Костя! Мой Костюшка! — крикнула истошно Ульяна и потеряла сознание.

Его нашли на вокзале, сидевшим на лавочке. Шёл снег, все люди спрятались внутри, а он сидел на лавочке с белой шапкой снега на голове. Сначала думали, что парень хмельного перебрал, но сердобольная уборщица, убирая вокзал, толкнула его в плечо:

— Иди уж, замёрзнешь.

Он упал, и женщина увидела под распахнутой курткой кровь — парня убили бандиты. Денег при нём не было, только паспорт в боковом кармане и мелочь.

Нашпигованная уколами, Ульяна почти не помнила похорон: всё мелькало перед глазами, все суетились, что-то говорили, что-то делали... Кто и что делал, кому и сколько она должна за похороны, спроси — не вспомнит. Конечно, как и всегда в селе, помогали большей частью соседи да дальние родственники, а их осталось совсем мало...

* * *

Она жила теперь, как в немом кино: всё вокруг движется и молчит. Все молчали — утешать бесполезно, да и где взять те слова, чтобы она забыла такое горе?

Разговаривала сама с собой, с фотографиями навсегда ушедших сыновей. По привычке подходила к иконам, чтобы помолиться, но ей было уже не за кого... А за себя не стоило: чем быстрее она умрёт, тем лучше. Зачем ей теперь жизнь?

Ульяна находилась в отупении, безразлично встречая каждый новый день. Ещё ходила на работу, ведь до пенсии оставалось три года, кое-как справлялась со своим крошечным огородиком в три сотки, кормила молча кур и отводила душу, лишь любуясь первыми цыплятами, словно малыми детьми. Ловила их, гладила, кормила творогом, целовала в нежные клювики и мучительно думала о том, что у неё после троих сыновей не осталось ни одной кровиночки — ни одного внучка или внучки... Как это невыносимо!

Она пыталась приблизить к себе племянника, сына двоюродной сестры, но скоро поняла, что совершенно чужая ему; лишь деньги, данные ею, напоминали парню о том, что надо забежать ещё раз. Он брал деньги и сразу же уходил.

Тяжело переносилась и чужая радость: у соседей сын вернулся из армии, и уже вторые сутки за забором гремела музыка, больно отдаваясь в её раненом сердце. О, если бы тогда Толик вернулся из армии, она тоже приготовила бы ему пышную встречу, ничуть не хуже, гостей бы назвала полон дом! И кормила, кормила его, чтобы отъелся, испробовал всего домашнего, вкусненького...

Личико у Толика было светлое, нежное, как у девочки, мягкие рыжеватые усики над пухлыми губками, как цыплячий пушок, а глаза добрые, доверчивые. Девочки в школе любили его, забегали щебетуньи, звали гулять, даже не стыдились — так открыто он им нравился. Ему бы девочкой родиться... Хорошо, если бы девочкой, — тогда бы и в армию не пошёл и не погиб...

А ведь было у неё трое мальчиков, трое сыновей...

«Были! Были — и нет...».

Тусклым взглядом она окинула пустую комнату, где они бегали друг за дружкой, где за столом учили уроки: Валера в зале садился, у Толика в спальне письменный стол стоял, а Костя — так тот у подоконника пристраивался, и не сгонишь, — он одновременно и в окно смотрел, и задачи решал, и над старшими потешаться успевал.

«Были! Были — и нет...».

Были все здесь, рядом с ней. И муж был... Была большая семья.

Вспомнила, как Степан ворчал весной, когда она белить собиралась: «Перестань носиться со своими иконами, ну оставь одну-две, как у всех людей, толку от этого никакого: если Бог даст — то и так всё будет хорошо».

Если даст...

«Молитесь, и воздастся вам по трудам вашим...».

Значит, она молилась напрасно?! Вот здесь, в этом углу, она провела не один час, молясь за мужа, за сыновей, за их благополучие, за то, чтобы они были счастливы, здоровы! Чтобы были живы!..

«А их теперь нет! Нету! Их нет и больше не будет... Не будет!».

Она села, уронив беспомощно руки на колени. Сидела убитая и растоптанная, опустошённая, словно у неё вынули всё нутро. У неё никого и ничего нет, да и сама она ощущала себя пустым местом, безжизненной оболочкой, без мыслей, без потребностей и желаний. А вот эти лики всё так же спокойно и безразлично, далёким, безмолвным взглядом продолжали смотреть на неё блёклыми глазами.

Она неспешно поднялась, подошла поближе, где теснился плотный ряд икон, приобретённых ею в церкви и доставшихся в память от матери. Ульяна переводила взгляд от одного лика святого на другой. А они молчали...

Размеренно тикали часы на стене, и стояла глухая, давящая тишина.

«Да возлюбите друг друга...».

Ульяна переводила взгляд с иконы на икону, прося помощи и защиты, словно ожидая, что хоть одна из них шепнёт хотя бы слово.

Иконы молчали.

«Да, любила, любила я вас всех! Любила и верила. И чтила. И Матерь Божию, и Иисуса Христа, и всех-всех! Любила, как своих родных детей!». Она верила им. И ждала от них помощи, надеялась...

Растерянность, недоумение и боль поднимали в ней непонятные противоречивые чувства.

Так значит они (все-все!) обманули её? Она просила их, умоляла, — а они не отозвались на её просьбы? Они насмехались над нею? Они были здесь всегда, на этой стене, в этом углу, они всё видели и слышали? И её плач по первому сыну, погибшему в шахте в двадцать один год, и её слёзы по второму, Толечке, не вернувшемуся из армии, и потерю последней кровинушки — Костюшки, ясноглазого, самого нежного, самого ласкового, — и молчали?!

Они всё это видели! Видели и ничем не могли ей помочь? Как же так?! Зачем же тогда она молилась, зачем надеялась, верила? Значит — это всё не нужно было делать, значит — это всё обман?

«Обман!».

Всё горело в ней огнём, горькое удушье подступило к горлу, хотелось кричать и биться о стену в неистовстве.

...Обманули. Они обманули её! Она просила у них немногого: счастья и жизни своим детям — троим невинным мальчикам! Ни один из них даже под венцом не побывал... Разве это много: троим её мальчикам, всего лишь троим из всех живущих на свете?

Она подняла голову на иконы. — Молчат!

«Так нет же вам здесь места! Нету!»

Она стала швырять иконы на пол и топтать их ногами. Старые оклады, сделанные из крепкого дерева, не ломались, лишь стёкла лопались и крошились. Тогда она схватила топор и расколола их в щепки. Упала обессиленная на постель и долго безутешно плакала: нет правды на свете, нету веры.

«Нету Бога... Бога нет!»

Через час она поднялась и с сухими глазами, сжав от отчаянья зубы, стала собирать осколки и щепки в старый мешок, чтобы вынести всё на мусор, выбросить и навсегда забыть весь этот обман, это издевательство над нею. Эту насмешку.

На полу под последними осколками Ульяна наткнулась на небольшую дощечку величиною в ладонь, целую и невредимую, чудом уцелевшую иконку Николая Чудотворца. Ещё её мама говорила, что она старинная и досталась ей от её бабушки.

Это была крепкая тёмно-коричневая дощечка сантиметров двадцать, не более, и лик Николая Чудотворца едва обозначался на ней: лишь глаза, бородка да часть белёсой короны, а всё остальное давно стёрлось. Когда-то Ульяна, вытирая на ней стекло, решила украсить её, а заодно и скрыть потёртости, вложила внутрь обклада красные бумажные цветы. Отдать кому-либо неудобно, ведь старая, да и память материнская всё же. Так и хранилась в доме.

Ульяна взяла иконку в руки, обтёрла рукавом кофты, задумалась. Вот всё изрубилось, а эта уцелела почему-то...

Она растерянно смотрела на неё и не могла бросить в мешок. Просто не могла. Внутренний голос глубоко верующего человека подсознательно удерживал её от последнего опрометчивого поступка. Но и оставлять икону в доме после перенесённой боли она не могла.

«Что же мне с ней делать?»

Она поднялась с пола, набросила на икону полотенце и, прижав к груди, прячась от людских глаз, пошла огородом. Перешагнула низенький плетёный заборчик, по тропинке, вдоль цветущих трав, направилась вниз к реке.

Среди скрипучих верб, молодых дубков и редких ясеней плавно нёс свои тёмные воды Донец. На берегу было пустынно и тихо. Она спустилась по пологому берегу к воде, оглянулась, убедившись, что её никто не видит, размотала полотенце и ещё раз, на прощанье, взглянула с болью на образок. Вздохнув, наклонилась и пустила коричневую дощечку по течению. Перекрестилась по привычке, шепнув: «Прости меня, Господи».

Душа её дрожала, но решение было твёрдым: пусть плывёт, хотя бы здесь она не совершит греха...

Вода подхватила свой дар и, плеская на лик лёгкой волной, закружила и понесла по течению. Ульяна печально смотрела иконе во след, растерянная улыбка бродила по её лицу.

Но вдруг, то ли подводное течение изменилось, то ли так судьбе угодно было, но крепкая деревянная дощечка закружилась и стала водой подталкиваться назад. Обезумевшая Ульяна шагнула в воду, схватила иконку и со словами «Господи, прости» побежала по взгорку домой.

«Что я наделала?! Что я наделала? Господи! Он услышал меня! Он не может покинуть меня! Он — есть! Мама наказывала: храни, как зеницу ока, никогда не расставайся с этой иконой! С Николаем Чудотворцем».

Раз он вернулся к ней, значит должно случиться хорошее. Он хочет служить мне! Он даст мне силы жить, он не виноват в том, что случилось в её жизни, значит всё, что произошло с сыновьями, было предначертано свыше.

«Прости меня, Господи! Ты один судья в этом свете. Прости меня...».

* * *

Спустя полгода в калитку Ульяны постучала молодая женщина. На вид ей было чуть больше двадцати лет, в серовато-зелёном полушубке из синтетического меха и джинсовых брюках с вышивкой ниже колена. Из-под белой вязаной шапочки выглядывала тёмно-русая чёлка.

Ульяна внимательно посмотрела на девушку, припоминая, видела ли она её раньше. Нет, это была не поселковая девушка.

— Тётя Уля, можно к вам? — стесняясь, произнесла незнакомка.

— Можно, — радушно ответила хозяйка, и в душе у неё что-то счастливо тёхнуло: живая душа в дом просится, а с нею входила радость, ожидание чего-то непонятного, неосознанного, но хорошего. Ульяна была в этом убеждена.

Девушка стояла в нерешительности.

— Вот сюда, сюда проходи, — торопила Ульяна. — В комнате тепло, раздевайся.

— Может, сначала поговорим? — робко переступая порог, ответила гостья, и опустила стыдливо глаза.

— Да ты садись, садись, дочка, а потом и поговорим.

Девушка вдруг всхлипнула и, закрыв лицо руками, залилась слезами:

— Вы назвали меня дочкой?

— Ну?

— Я действительно вам дочка, — всхлипывала девушка.

Ульяна удивилась: дочка? — Да не могло быть у её мужа дочки! Он же такой честный, такой семьянин был! Что за дела?

— Тётя! Тётя Уля, я должна бы вас сразу мамой назвать... Но... — она подняла порозовевшее с мороза лицо. — У нас с Костей... У нас с Костей есть сын. Но...

— Сын?! — вскрикнула Ульяна. — Сын? Что же ты молчишь? Как же ты могла молчать? Почему ты его не привезла? Как же так? — Ульяна в отчаянии прижала руки к груди, чтобы не выскочило сердце.

— Да привезла я его! Привезла... — девушка перестала плакать. — Он здесь...

— Где? — Ульяна крепко обняла её за плечи, с надеждой заглядывая девушке в глаза.

— Он там, с мамой. За углом...

— За углом? — удивилась Ульяна.

— Мы боялись, что мы вам не нужны... Ему уже больше годика, мы его Стёпой назвали, как дедушку, ну, как вашего мужа. Костя так хотел, когда я только забеременела, — сбивчиво говорила девушка.

Слёзы брызнули из Ульяниных глаз.

— А ты, чай, не Марта будешь?

— Марта...

— Давай его сюда, Мартушка! — она подтолкнула девушку к двери и побежала навстречу внуку.

Отворив калитку, Ульяна увидела рядом с домом женщину средних лет, державшую за руку малыша в сине-красном комбинезоне.

— Стёпа! Стёпочка, — закричала она, — иди к бабушке!

Мальчик повернулся и, часто семеня ножками по хрусткому снежку, смело пошёл навстречу женщине.

— Родной мой!.. — Ульяна подняла малыша, задыхаясь от счастья, прижала к себе. — Кровинушка моя... Стёпочка...

* * *

Усадив дорогих гостей, Ульяна взяла внука на руки, поднесла к иконе Николая Чудотворца и сказала счастливо:

— Слава Богу, это он привёл тебя в этот дом. Слава Богу! И теперь я точно знаю — Бог есть на свете, — и, оглянувшись на долгожданных гостей, спросила: — А вы ведь могли и не объявиться?

— Мы сомневались. Когда погиб Костя, мы решили, что будем здесь лишние.

— Лишние? — покачала укоризненно Ульяна головой, словно хотела сказать: как же так?

А маленький Стёпа, ничего не понимая, тыкал в сторону иконы нежным пальчиком и громко говорил:

— У! У! У!

А Ульяне слышалось:

— Он! Он! Он!